

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ИММАНУИЛ
КАНТ

КАТЕГО-
РИЧЕСКИЙ
ИМПЕРАТИВ

И ВСЕОБЩАЯ
МИРОВАЯ
ИРОНИЯ

ГЕОРГ
ГЕГЕЛЬ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Иммануил Кант
Георг Вильгельм Фридрих Гегель
Категорический императив
и всеобщая мировая ирония
Серия «Философский поединок»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34386966

Категорический императив и всеобщая мировая ирония / И. Кант, Г.

Гегель: Родина; Москва; 2020

ISBN 978-5-907255-65-4

Аннотация

Иммануил Кант (1724–1804) оказал огромное влияние на развитие классической философии. В своих трудах он затронул самые важные вопросы мироздания и человеческого общества, ввел многие основополагающие понятия, в том числе «категорический императив». По мнению Канта, категорический императив – это главные правила, которыми должны руководствоваться как отдельные личности, так и общество в целом, и никакие внешние воздействия, так называемые «объективные причины» не должны мешать выполнению этих правил.

Георг Гегель (1770–1831) один из создателей немецкой классической философии. Самое важное понятие в философской системе Гегеля – законы диалектики, согласно которым всё в мире и обществе постоянно переходит из одних форм в другие, и то что сегодня кажется вечным, завтра рассыпается в прах. В этом заключается «всеобщая мировая ирония», по определению Гегеля.

В книге собраны наиболее значительные произведения Канта и Гегеля, посвященные данной теме.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

И. Кант	5
Максимы поступков	5
Понятие долга	5
Долг и цель	13
Счастье другого	18
Категорический императив	20
Максимы поступков	26
Моральные чувства	31
Физическое совершенство и моральность	31
Моральные чувства	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Иммануил Кант,
Георг Гегель
Категорический
императив и всеобщая
мировая ирония**

**И. Кант
Основы этики.
Категорический императив
(из книги «Основы
метафизики нравов»)**

Максимы поступков

Понятие долга

В древние времена этика означала *учение о нравственно-*

сти вообще (*philosophia moralis*), которое также называли *учением о долге*. Позднее нашли благоразумным перенести это название на одну лишь часть учения о нравственности, а именно на учение о долге.

Понятие долга есть уже само по себе понятие о каком-то *принуждении* свободного произвола со стороны закона. Это принуждение может быть *внешним* принуждением или *самопринуждением*. Моральный *императив* провозглашает через свое категорическое суждение (безусловное долженствование) это принуждение, которое, таким образом, относится не к разумным существам вообще (среди которых могут быть и святые), а к *людям* как к разумным *естественным существам*, которые достаточно несвятые, чтобы у них могло возникнуть желание нарушить моральный закон, хотя они сами признают его авторитет и, даже когда они соблюдают его, делают это *неохотно* (борясь со своими склонностями), в чем, собственно, и состоит *принуждение*. – Но так как человек есть *свободное* (моральное) существо, то понятие долга не может содержать никакого иного принуждения, кроме *самопринуждения* (посредством одного лишь представления о законе), когда принимают в соображение внутреннее определение воли (мотивы), ибо только так становится возможным соединять *принуждение* (если бы оно даже было внешним) со свободой произвола, но в таком случае понятие долга будет этическим понятием.

Естественные побуждения, следовательно, содержат в ду-

ше человека *препятствия* исполнению долга и (отчасти значительные) противодействующие силы, и человек должен считать себя способным противоборствовать им и при помощи разума не в будущем, а именно теперь одолеть их (также мыслью), т. е. *уметь* делать то, что он *должен* делать согласно безусловному велению закона.

Способность и твердое намерение оказать сопротивление сильному, но несправедливому врагу есть *храбрость* (fortitudo), а в отношении врага нравственного образа мыслей *в нас* есть *добродетель* (virtus, fortitudo moralis). Следовательно, *учение о добродетели* есть общее учение о долге в той части, которая подводит под законы не внешнюю, а внутреннюю свободу.

Учение о праве имело дело только с *формальным* условием внешней свободы (благодаря согласию с самим собой, когда его максима становилась всеобщим законом), т. е. с *правом*. Этика, напротив, дает нам еще некую *материю* (предмет свободного произвола); *цель* чистого разума, которая представляется также как объективно необходимая цель, т. е. как долг для человека. – В самом деле, так как чувственные склонности влекут к целям (как к материи произвола), которые могут быть противны долгу, то законодательствующий разум сможет противиться их влиянию не иначе, как опять-таки при помощи противоположной моральной цели, которая, следовательно, должна быть дана a priori независимо от склонности.

Цель есть предмет произвола (разумного существа), посредством представления о котором произвол определяется к действию для создания этого предмета. – Правда, я могу быть принужден другими совершать те или иные поступки, направленные как средства к определенной цели, но не могу быть принужден другими к тому, чтобы *иметь ту или иную цель*; лишь я *сам* могу *сделать* что-то своей целью. – Но то, что я обязан делать своей целью, – нечто, лежащее в понятиях практического разума, стало быть, иметь, помимо формального основания определения произвола (как его содержит право), еще и материальную цель, такую, которую можно было бы противопоставить цели, возникающей из чувственных побуждений, – это было бы понятием *цели*, которая *сама по себе есть долг*. Но учение о нем имело бы отношения не к учению о праве, а к этике, которая одна лишь содержит в своем понятии *самопринуждение* согласно моральным законам.

На этом основании этика может быть определена как система *целей* чистого практического разума. – Цель и долг составляют основу различия между двумя частями общего учения о нравственности. То обстоятельство, что этика содержит обязанности, для исполнения которых мы не можем быть (физически) принуждены другими, есть лишь следствие того, что она представляет собой учение о *целях*, так как *принуждение* к тому, чтобы иметь или ставить перед собой цель, противоречило бы самому себе.

Что этика есть *учение о добродетели* (*doctrina officiorum virtutis*), следует из данной выше дефиниции, сопоставленной с обязанностью (*Verpflichtung*) добродетели, особенность которой мы только что показали. – Нет иного определения произвола, способного уже в силу своего понятия не поддаваться принуждению, даже *физическому*, со стороны *произвола других*, чем определение к *цели*. Другой может, правда, *принудить* меня *делать* то, что не составляет моей цели (а есть лишь средство для [достижения] цели другого), но он не может заставить меня сделать ее *моей целью*; и все же я не могу иметь какую-либо цель, если я не сделаю ее *моей*. Последнее противоречит самому себе: оно есть акт свободы, который вместе с тем несвободен. – Но ставить себе цель, которая в то же время есть долг, – это не противоречие: в таком случае я сам себя принуждаю, что вполне совместимо со свободой. – Но вопрос теперь в том, как возможна такого рода цель? Ведь возможности понятия вещи (что это понятие не противоречит самому себе) еще недостаточно для допущения возможности самой вещи (объективной реальности понятия).

* * *

Отношение цели к долгу можно мыслить двояко: или, исходя из цели, найти *максиму* сообразных с долгом поступков, или, наоборот, начиная с максимы, найти *цель*, которая

есть в то же время долг. — *Учение о праве* идет по первому пути. Свободному произволу каждого предоставляется решить, какую цель он намерен поставить себе для своего поступка. Но максима произвола определена а priori, а именно что свобода совершающего поступки совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом.

Этика, однако, идет по противоположному пути. Ей нельзя исходить из целей, которые может ставить себе человек, и сообразно этому распоряжаться максимами, которые он должен принять, т. е. его долгом, ведь [иначе] это было бы эмпирическими основаниями максимы, которые не дают понятия долга, так как оно (категорическое долженствование) имеет свои корни только в чистом разуме; точно так же если взять максимы согласно указанным целям (которые все корыстны), то, собственно, и речи не может быть о каком-либо понятии долга. — Следовательно, в этике *понятие долга* должно вести к целям, а *максимы* в отношении целей, которые нам следует себе ставить, должны быть обоснованы согласно моральным основоположениям.

Не решая вопроса о том, что же это за цель, которая сама по себе есть долг, и как она возможна, здесь необходимо лишь показать, что такого рода долг называется долгом добродетели и почему он так называется.

Всякому долгу соответствует *некое* право, рассматриваемое как *правомочие* (facultas moralis generatim), но не всякому долгу соответствуют *права* другого (facultas iuridica) при-

нуждать кого-то; называются они особо *правовыми обязанностями*. – Точно так же всякой этической *обязательности* соответствует понятие добродетели, но не всякий этический долг есть поэтому долг добродетели. Не будет этическим долг, который не имеет отношения ни к какой-нибудь цели (материи, объекту произвола), ни к *формальному* в нравственном определении воли (например, что соответствующий с долгом поступок должен быть совершен также *из чувства долга*). Только *цель, которая есть в то же время долг*, может быть названа *долгом добродетели*. Поэтому имеется не один такой долг, а множество (имеются и различные добродетели); относительно же долга можно мыслить лишь один добродетельный образ мыслей, но действительный для всех поступков.

Долг добродетели и правовой долг отличаются друг от друга тем, что для последнего морально возможно внешнее принуждение, первый же покоится только на свободном самопринуждении. – Для конечных *святых* существ (которые никогда не могут соблазниться нарушением долга) нет учения о добродетели, для них есть лишь учение о нравственности, которое есть автономия практического разума, в то время как первое есть также *автократия* практического разума, т. е. содержит если не непосредственно воспринимаемое, то все же правильно выведенное из нравственного категорического императива сознание *способности* справляться со своими не повинующимися закону склонностями, так

что человеческая моральность на своей высшей ступени может быть не более как добродетелью, даже если бы она была совершенно чистой (полностью свободной от влияния всех чуждых долгу мотивов), ибо тогда она как идеал (которому должно постоянно приближаться) обычно персонифицируется поэтически под именем *мудреца*.

Добродетель нельзя также определять и оценивать просто как *навык* (как это говорится в удостоенном награды сочинении пастора Кохиуса) и приобретенную длительным упражнением *привычку* к морально добрым поступкам. В самом деле, если добродетель не есть результат воздействия обдуманых, твердых и все более чистых основоположений, то она, как и любой другой механизм технически практического разума, не вооружена ни на все случаи, ни для достаточного предохранения себя от изменений, которые могут быть вызваны новыми соблазнами.

Примечание

Добродетели = + *a* противопоставлена *негативная недобродетель* (моральная слабость) = 0 как *логическое противоречие* (*contradictorie oppositum*), а порок = - *a* как *противоположность* (*contrarie s. realiter oppositum*), и поэтому спрашивать: не нужно ли больше душевной силы для большого преступления, чем даже для большой добродетели, не только бесполезно, но и непристойно. Ведь под силой души мы

понимаем твердость намерения человека как существа, наделенного свободой, стало быть, поскольку он владеет собой (в здравом рассудке), т. е. поскольку он в *здоровом* состоянии. Большие же преступления суть пароксизмы, от которых здоровые душой люди содрогаются. Вопрос поэтому сводится к следующему: может ли человек в приступе ярости иметь больше физических сил, чем тогда, когда он в здравом рассудке? С этим можно согласиться, не приписывая ему поэтому больше душевных сил, если под душой понимать жизненный принцип человека в свободном проявлении своих сил. В самом деле, поскольку большие преступления имеют свою причину в силе *ослабляющих* разум склонностей, что вовсе не доказывает наличия душевных сил, этот вопрос был бы аналогичен другому: может ли человек в приступе болезни проявлять больше силы, чем в здоровом состоянии, – вопрос, на который можно прямо ответить отрицательно, так как отсутствие здоровья, состоящего в равновесии всех телесных сил человека, есть ослабление в системе этих сил, лишь исходя из которой можно судить об абсолютном здоровье.

Долг и цель

Цель есть такой *предмет* свободного произвола, представление о котором определяет этот произвол к поступку, благодаря которому предмет создается. Следовательно, каждый

поступок имеет свою цель, и так как никто не может иметь какую-то цель, не делая *самого* предмета своего произвола целью, то иметь цель поступков есть акт *свободы* совершающего поступки субъекта, а не действие *природы*. Но так как этот акт, определяющий цель, есть практический принцип, который предписывает не средства (стало быть, он не обусловлен), а самое цель (следовательно, он безусловен), то этот принцип есть категорический императив чистого практического разума, стало быть, такой, который связывает *понятие долга* с понятием цели вообще.

А такая цель и соответствующий ей категорический императив должны существовать. В самом деле, так как бывают свободные поступки, то должны быть и цели, на которые, как на объект, должны быть направлены эти поступки. Однако среди этих целей должны быть и такие, которые суть в то же время (т. е. по своему понятию) долг. – Действительно, если бы не было таких целей, то, поскольку не бывает бесцельных поступков, все цели оказались бы для практического разума всегда лишь средствами для других целей, и *категорический императив* был бы невозможен, а это уничтожает всякое учение о нравственности.

Здесь, следовательно, идет речь не о целях, которые человек *ставит* себе под влиянием чувственных побуждений своей природы, а о таких предметах свободного, подчиненного своим законам произвола, которые человек *должен* делать своей целью. Первые можно назвать техническим

(субъективным), собственно прагматическим, учением о цели, содержащим правило благоразумия в выборе целей, вторые же – моральным (объективным) учением о цели; такое различие здесь, однако, излишне, так как учение о нравственности уже по своему понятию ясно отличается от учения о природе (здесь – от антропологии); последнее покоится на эмпирических принципах, моральное же учение о цели, в котором трактуется о долге, покоится на принципах, данных а priori в чистом практическом разуме.

Какие цели суть в то же время долг? Таковы: *собственное совершенство и чужое счастье*.

Их нельзя заменять друг другом, равно как нельзя, с одной стороны, *собственное счастье* и, с другой – *совершенство другого* делать целями, которые сами по себе были бы долгом одного и того же лица.

Действительно, *собственное счастье* есть цель, которую хотя и имеют все люди (в силу побуждений их природы), но никогда нельзя рассматривать как долг, не впадая в противоречие с самим собой. То, что каждый неизбежно уже сам желает, не подпадает под понятие о долге; ведь долг – это *принуждение* к неохотно принятой цели. Поэтому было бы противоречием сказать: человек *обязан* всеми силами содействовать собственному счастью.

Точно так же противоречиво ставить себе целью *совершенство другого* и считать себя обязанным содействовать этому. В самом деле, *совершенство другого* человека как ли-

да состоит именно в том, что он *сам* способен ставить себе цель по своим собственным представлениям о долге; поэтому противоречиво требовать (сделать моим долгом), чтобы я сделал то, что может сделать только другой человек сам.

Слово *совершенство* часто толкуется ложно. Иногда оно понимается как принадлежащее трансцендентальной философии понятие *целокупности* многообразного, которое, взятое в целом, составляет *вещь*, а [иногда] также как принадлежащее *телеологии* понятие, которое означает согласие свойств вещи с некоей *целью*. В первом значении совершенство можно было бы назвать *количественным* (материальным), во втором – *качественным* (формальным). Первое может быть только единственным (ведь целокупность присущего одной вещи одна). Качественных же совершенств в одной и той же вещи может быть несколько. Об этом совершенстве, собственно, и будет идти здесь речь.

Когда о совершенстве, присущем человеку вообще (собственно человечеству), говорят, что делать его своей целью есть сам по себе долг, то это совершенство необходимо усмотреть в том, что может быть *результатом действия* человека, а не в том, что есть просто дар, которым человек обязан природе; ведь иначе оно не было бы долгом. Следовательно, совершенство может быть не чем иным, как *культурой способности* человека (или культурой природных задатков), в которой *рассудок* как способность [давать] понятия, стало быть, и понятия, касающиеся долга, есть высшая

способность, но в то же время и культурой *воли* (нравственного образа мыслей) для удовлетворения всякого долга.

1. Долг человека – собственными усилиями выйти из [состояния] первобытности своей природы, из [состояния] животности (*quoad actum*) и все выше подниматься к человеческому [состоянию], только благодаря которому он и способен ставить себе цели, восполнять недостаток своего знания и исправлять свои ошибки; и это не *совет* технически практического разума для иных его намерений (умения), а безусловное *предписание* морально-практического разума, который делает эту цель для него долгом, дабы он был достоин человеческого, которое есть в нем.

2. Поднять культуру своей *воли* до самого чистого добродетельного образа мыслей, когда *закон* становится также мотивом его сообразных с долгом поступков, и повиноваться закону из чувства долга – это есть внутреннее морально-практическое совершенство, которое, будучи чувством действия, оказываемого законодательствующей в нем волей на способность поступать согласно ей, называется *моральным чувством*, как бы особым чувством (*sensus moralis*), которое часто, правда, ложно толкуется (*missbraucht*) как мистическое, как если бы оно (подобно гению Сократа) предшествовало разуму или вообще могло бы обойтись без его суждения, но все же есть нравственное совершенство – делать своей каждую отдельную цель, которая есть в то же время долг.

Счастье другого

Человеческой природе неотъемлемо присуще желать себе счастья и искать его, т. е. удовлетворенность своим состоянием, если есть уверенность, что это состояние будет продолжаться. Но именно поэтому оно не цель, которая есть в то же время долг. – Так как некоторые проводят различие между моральным и физическим счастьем (из которых первое состоит в удовлетворенности собой как лицом и своим нравственным поведением, следовательно, тем, что *делают*, второе же – в удовлетворенности тем, чем нас одарила природа, стало быть тем, что мы *вкушаем* как дар другого), – то, не исследуя здесь ложного толкования слова (которое уже содержит в себе противоречие), необходимо заметить, что первый способ восприятия относится исключительно к предыдущей рубрике, а именно к рубрике совершенства. – В самом деле, тот, кто должен чувствовать себя счастливым в одном лишь сознании своей порядочности, уже обладает тем совершенством, которое в предыдущей рубрике было определено как цель, которая есть в то же время долг.

Поэтому если речь идет о счастье, способствовать достижению которого как моей цели должно быть долгом, то это должно быть счастье *других* людей, *чью* (дозволенную) *цель я тем самым делаю также и моей*. Пусть люди сами судят о том, что составляет счастье для них; но и я вправе отвергать

кое-что из того, что *они* считают своим счастьем, а я таковым не считаю, если они к тому же не имеют права требовать этого от меня как своего. Противопоставлять же указанной цели некую воображаемую *обязательность* того, что я должен также позаботиться о своем *собственном* (физическом) счастье и сделать, таким образом, долгом (объективной целью) мою естественную и чисто субъективную цель, есть лишь мнимое, многократно приводимое возражение против произведенного выше деления обязанностей (№ IV) и требует разъяснения.

Неприятности, боль и недостатки – большое искушение нарушить свой долг. Достаток, сила, здоровье и благополучие вообще, противостоящие [внешнему] влиянию, также могут как будто бы рассматриваться как цели, которые суть в то же время долг, а именно содействовать *собственному счастью*, а не стремиться лишь к счастью других. – Однако в таком случае это не цель, а нравственность субъекта, и устранение препятствий к этому есть лишь *дозволенное* средство, так как никто другой не имеет права требовать от меня пожертвовать моей не неморальной целью. Стремиться к достатку для себя непосредственно не есть долг; но косвенно это, пожалуй, может быть долгом, например отвратить бедность как сильное искушение предаться порокам. Но в таком случае это не мое счастье, а моя нравственность, сохранять нерушимость которой есть моя цель и в то же время мой долг.

Категорический императив

Основоположение, делающее те или иные поступки долгом, есть практический закон. То правило действующего лица, которое оно по субъективным соображениям делает для самого себя принципом, называется его *максимой*; поэтому при одних и тех же законах максимы действующих лиц могут быть весьма различными.

Категорический императив, который вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона! – Следовательно, свои поступки ты должен сначала рассмотреть, исходя из субъективного основоположения; но значимо ли также объективно это основоположение – это ты можешь узнать лишь потому, что, так как твой разум испытывает его: можешь ли ты благодаря ему мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы, это основоположение может оказаться пригодным в качестве такого всеобщего законодательства.

Простота этого закона в сравнении с большими и многообразными требованиями, которые могут из него вытекать, равно как и уважение, которое он внушает, хотя он явно не содержит какого-нибудь мотива, сначала, конечно, должна казаться странной. Но когда, изумляясь способности нашего разума определять произвол одной лишь идеей пригодности

какой-нибудь максимы для *всеобщности* практического закона, узнают, что именно только эти практические (моральные) законы обнаруживают одно свойство произвола, которое никакому спекулятивному разуму не удалось бы приобрести ни из априорных оснований, ни благодаря какому бы то ни было опыту, а если бы и удалось, то его возможность ничем не могла бы быть доказана теоретически, в то время как практические законы неопровержимо доказывают это свойство, а именно свободу, – тогда не будет казаться столь странным то, что эти законы подобно математическим постулатам суть *недоказуемые* и тем не менее *аподиктические* законы, и в то же время откроется перед ними обширное поле практических познаний, где для разума с этой идеей свободы, да и с любой другой из его идей сверхчувственного, в теории все необходимо должно оказаться совершенно недоступным. Соответствие поступка закону долга называется *законсообразностью* (*legalitas*), соответствие максимы поступка закону – *нравственностью* (*moralitas*) поступка. Но *максима* – это *субъективный* принцип действия, который сам субъект делает для себя правилом (как именно намерен он поступать). Основоположение же долга – это то, что разум повелевает субъекту (как он *должен* поступать) прямо, стало быть, объективно.

Итак, высшее основоположение учения о нравственности гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона. – Каждая максима, ко-

торая не пригодна для этого, противна морали.

Из воли исходят законы; из произвола – максимы; произвол в человеке есть свободный произвол; волю, которая имеет в виду только закон и ничто иное, нельзя назвать ни свободной, ни несвободной, потому что она имеет в виду не поступки, а непосредственно законодательство для максимы поступков (следовательно, имеет в виду сам практический разум); поэтому она безусловно необходима и сама не *способна* ни к какому принуждению. Следовательно, только *произвол* может быть назван *свободным*.

Нельзя, однако, как это пытались сделать некоторые, дать дефиницию свободы произвола как способности выбора совершать поступки в пользу или против закона (*libertas indifferentiae*), хотя произвол как *феномен* дает тому многочисленные примеры на опыте. В самом деле, свободу (в том виде, в каком она становится нам известна только через моральный закон) мы знаем лишь как *негативное* свойство в нас, а именно как свойство не быть *принуждаемым* к поступкам никакими чувственными определяющими основаниями. Но мы никак не можем *теоретически* предоставить свободу как *ноумен*, т. е. с точки зрения способности человека лишь как мыслящего существа, насколько оно может быть *принуждающим* в отношении чувственного произвола, стало быть, если рассматривать его по его положительному качеству. Мы можем постичь только то, что, [во-первых], хотя человек как чувственно воспринимаемое существо обна-

руживает на опыте способность делать выбор не только *сообразно* с законом, но и *противно* ему, однако это не позволяет нам *определить* его свободу как свободу *умопостигаемого существа*, потому что явления не могут сделать понятным ни один сверхчувственный объект (а ведь именно таков свободный произвол); и что, [во-вторых], свободу нельзя усматривать в том, что разумный субъект может сделать выбор, противоречащий его (законодательствующему) разуму, хотя опыт довольно часто и показывает, что это случается (однако мы не можем постигнуть возможность этого). – Действительно, одно дело – соглашаться с каким-нибудь положением (опыта), нечто другое – делать его *принципом дефиниции* (понятия свободного произвола) и всеобщим признаком отличия (от *arbitrio bruto s. servo*), так как первое не утверждает, что [этот] признак *необходимо* относится к понятию, что, однако, требуется для второго. – Свобода по отношению к внутреннему законодательству разума есть, собственно, только способность; возможность отклониться от него есть отсутствие способности. Каким же образом можно объяснить первую из последнего? Это дефиниция, в которой к практическому понятию добавлено еще и *применение* его, как тому учит опыт, – дефиниция-помесь (*definitio hybrida*), представляющая понятие в ложном свете.

Закон (морально практический) – это положение, содержащее категорический императив (велеие). Тот, кто повелевает (*imperans*) через закон, есть *законодатель* (*legislator*).

Он создатель (auctor) обязанности по закону, но не всегда он создатель закона. В последнем случае закон был бы положительным (случайным) и произвольным. Закон, который обязывает нас a priori и необходимо через наш собственный разум, может быть выражен и как исходящий от воли высшего законодателя, т. е. такого, который имеет только права и не имеет никаких обязанностей (стало быть, от Божественной воли), однако это означает лишь идею морального существа, воля которого для всех закон, хотя она и не мыслится создателем этого закона.

Вменение (imputatio) в моральном значении – это *суждение*, по которому кто-то рассматривается как виновник (causa libera) поступка, называющегося в этом случае *действием* (factum) и подчиняющегося законам; если это суждение влечет за собой также правовые последствия из этого действия, то оно *вменение*, имеющее правовую силу (imputatio iudiciaria s. valida), в других случаях оно будет лишь *вменением*, вытекающим из *суждения* (imputatio diiudicatoria). – То лицо (физическое или моральное), которое обладает правомочием производить *вменение*, имеющее правовую силу, называется *судьей* или же *судом* (iudex s. forum).

То, что человек делает согласно с долгом *больше* того, к чему он может быть принужден законом, ставится в *заслугу* (meritum); то, что он делает только *соответственно* закону, и не больше, – это *исполнение долга* (debitum); наконец,

то, что он делает *менее* того, чего требует долг, есть моральная *провинность* (demeritum). Правовое следствие провинности есть *наказание* (poena); правовое следствие ставящегося в заслугу поступка есть *награда* (praemium), при условии что, будучи обещанной законом, эта награда была побудительной причиной; соответствие поведения долгу не имеет никакого правового следствия. – Добровольное *вознаграждение* (remuneratio repensio benefica) не находится ни в каком *правовом отношении* к поступку.

Хорошие или дурные последствия поступка, ставящегося в долг, равно как и последствия несовершения поступка, ставящегося в заслугу, не могут быть вменены субъекту (modus imputationis tollens).

Хорошие последствия поступка, ставящегося в заслугу, равно как и дурные последствия неправомерного поступка, могут быть вменены субъекту (modus imputationis ponens).

Определение степени *вменяемости* (imputabilitas) поступков по величине препятствий, которые должны быть при этом преодолены, носит *субъективный характер*. – Чем больше естественные препятствия (чувственности), чем меньше моральное препятствие (долга), тем больше *хороший поступок* ставится в заслугу; например, если я выручаю из большой беды совершенно незнакомого человека, пожертвовав очень многим.

Напротив, чем меньше естественное препятствие и чем больше препятствие из оснований долга, тем больше вменя-

ется нарушение (как провинность). – Поэтому душевное состояние субъекта – действовал ли он под влиянием аффекта или спокойно и обдуманно – безразлично при вменении, и это различие имеет [свои] последствия.

Максимы поступков

Понятие долга имеет непосредственное отношение к *закону* (хотя бы я и отвлекался от всякой цели как материи закона); ведь на это уже указывает формальный принцип долга в категорическом императиве: «Поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим *законом*». Разница лишь в том, что в этике закон мыслится как закон *твоей* собственной *воли*, а не воли вообще, которая могла бы быть и волей других, и в таком случае мы имели бы правовой долг, который не принадлежит к области этики. – Максимы здесь рассматриваются как такие субъективные основоположения, которые только *пригодны* для всеобщего законодательства, а это лишь негативный принцип (не противоречить закону). – Но каким образом в таком случае может существовать закон для максимы поступков?

Только относящееся к этике понятие *цели*, которая есть в то же время долг, обосновывает закон для максим поступков, так как субъективная цель (которую имеет каждый) подчинена объективной цели (к которой должен стремиться каждый). Императив: «Ты должен ставить себе целью то

или это (например, счастье других)» – касается материи произвола (объекта). Но так как никакой свободный поступок невозможен, если совершающий этот поступок не преследовал при этом также какую-нибудь цель (как материю произвола), то максима поступков как средств для [достижения] целей должна содержать только условие пригодности для возможного всеобщего законодательства, если имеется цель, которая есть в то же время долг; между тем цель, которая есть в то же время долг, может сделать законом обладание такой максимой, поскольку для максимы достаточно уже одной лишь возможности быть в согласии со всеобщим законодательством.

В самом деле, максимы поступков могут быть *произвольными* и подчиняются лишь ограничивающему условию способности к всеобщему законодательству как к формальному принципу поступков. Но *закон* устраняет произвольное в поступках, и этим он отличается от всякой *рекомендации* (когда требуется лишь знать наиболее подходящие средства для [достижения] той или иной цели).

Получается, что обязательность этического долга есть обязательность в широком смысле, правового же долга – в узком смысле. Это положение вытекает из предыдущего; в самом деле, если закон может предписывать только максиму поступков, а не сами поступки, то это показывает, что он оставляет произволу некоторый простор (*latitudo*) для соблюдения [закона], т. е. не может точно определять, как и на-

сколько должно посредством поступка достигнуть цели, которая есть в то же время долг. – Однако под долгом в широком смысле подразумевается не разрешение на исключения из максимы поступков, а только разрешение на ограничение одной максимы долга другой (например, [ограничение] общей любви к ближнему любовью к родителям), благодаря чему на деле расширяется поле деятельности добродетели (Tugendpraxis). – Чем шире долг, тем менее совершенна обязательность человека к поступку; но чем больше человек приближает максимум соблюдения долга (в своем образе мыслей) к долгу в узком смысле (праву), тем более совершенен его добродетельный поступок.

Несовершенный долг есть, следовательно, лишь долг добродетели. Исполнение его есть *заслуга* (meritum) = + a, но нарушение его не есть тотчас же *погрешение* (demeritum) = – a, а есть лишь моральное недостойнство = 0, кроме того случая, когда принципом для субъекта становится неподчинение долгу. Только твердость намерения в первом случае называется, собственно, добродетелью (virtus), слабость же во втором – не столько *пороком* (vitium), сколько просто *недобродетелью*, отсутствием моральной твердости (defectus moralis) (как слово Tugend происходит от taugen, так и слово Untugend – от zu nichts taugen). Любой противный долгу поступок называется *нарушением* (peccatum); преднамеренное же нарушение, ставшее принципом, и есть, собственно говоря, то, что называют *пороком* (vitium).

Хотя согласованность поступков с правом ([стремление] быть человеком, действующим по праву) не следует ставить в заслугу, но согласованность максимы таких поступков как долга, т. е. *уважение* к праву, следует *ставить в заслугу*. В самом деле, в этом случае человек *делает* своей *целью* право человечества или же право людей и тем самым расширяет свое понятие долга за пределы понятия *обязательности* (*officium debiti*); другой, исходя из своего права, может, конечно, потребовать от меня сообразных с законом поступков, но он не может потребовать, чтобы закон в то же время содержал и побуждение к поступкам. Так обстоит дело и со всеобщим этическим велением: «Поступай сообразно с долгом из чувства долга». Утверждать в себе и возбуждать такой образ мыслей так же *похвально*, как и предыдущее, ибо он выходит за рамки основанного на долге закона поступков и в то же время делает закон сам по себе также мотивом.

Но именно поэтому и такого рода долг должен быть причислен к обязательности в широком смысле, в отношении которой имеет место субъективный принцип его этического *вознаграждения* (а именно для того, чтобы максимально приблизить ее к понятию обязательности в узком смысле), [т. е. принцип] восприимчивости к долгу согласно закону добродетели, а именно [принцип] морального удовольствия, которое выходит за пределы удовлетворенности самим собой (она может быть только негативной) и о котором говорят, что добродетель в сознании есть награда самой себя.

Если эта заслуга есть заслуга человека перед другими людьми в содействии их естественной цели, признанной в качестве таковой всеми другими людьми (делать их счастье своим собственным), то такую заслугу можно было бы назвать *приятной заслугой*; осознание ее порождает моральное наслаждение, вкушая которое, люди склонны *в упоении отдаваться* разделенной радости; между тем как *неприятная заслуга* в содействии истинному благу других людей, даже если они этого не признают благом (в смысле непризнательного, неблагодарного), вызывает обычно не такую реакцию, а лишь *удовлетворенность* самим собой, хотя в последнем случае заслуга была бы большей.

Моральные чувства

Физическое совершенство и моральность

Физическое совершенство – это культура всех вообще способностей для содействия поставленной разумом цели. Что это долг, стало быть цель сама по себе, и что в основе этого развития лежит не обусловленный (прагматический), а безусловный (моральный) императив и в том случае, если не принимается во внимание выгода, которую оно нам дает, видно из следующего. Способность вообще ставить себе цель характерна для человека (в отличие от животного). Следовательно, с целью человечества в нашем собственном лице связана также и разумная воля, стало быть, и долг – вообще иметь заслугу перед человечеством через культуру, приобрести способность (или содействовать ей) для осуществления всевозможных целей, поскольку такая способность имеется у человека, т. е. долг культивировать первоначальные (гоме) задатки своей природы, только благодаря чему животное и становится человеком; стало быть, [это] долг сам по себе.

Только этот долг чисто этичен, т. е. имеет обязательность в широком смысле. Ни один принцип разума определенно не предписывает, как далеко следует идти в развитии (в расши-

рении или совершенствовании своей рассудочной способности, т. е. в знаниях или умении); к тому же различие в положении, в котором могут оказаться люди, делает выбор рода занятия для развития своего дарования весьма произвольным. – Таким образом, здесь нет закона разума для поступков, а есть закон разума только для максимы поступков, которая гласит: «Развивай свои душевные и телесные силы так, чтобы они были пригодны для всяких целей, которые могут появиться, не зная при этом, какие из них когда-нибудь станут твоими».

Культура моральности в нас. Величайшее моральное совершенство человека следующее: исполнять свой долг, и притом *из чувства долга* (чтобы закон был не только правилом, но и мотивом поступков). – Правда, на первый взгляд это кажется обязательностью в узком смысле и принципом долга с точностью и со строгостью закона предписывать каждому поступку не только *легальность*, но и *моральность*, т. е. образ мыслей; в действительности же закон и здесь предписывает искать только *максиму поступка*, а именно основание обязательства, не в чувственных побуждениях (выгода или ущерб), а исключительно в законе; стало быть, закон предписывает не *сам поступок*. – Действительно, человеку не дано проникать в собственную душу столь глубоко, чтобы быть вполне уверенным в чистоте своих моральных намерений и в ясности своего образа мыслей хотя бы в одном поступке, даже если он не сомневается в его легальности. Ча-

сто слабость, которая отговаривает от совершения преступления из-за связанного с ним риска, принимается тем же человеком за добродетель (дающую понятие твердости), и как много людей хотели бы прожить всю свою жизнь, не совершая никаких проступков, и *счастливы* уже тем, что избежали многих искушений, но сколько было чистого морального содержания в их образе мыслей при каждом их действии, это им самим неведомо. Следовательно, и долг давать оценку своим поступкам не по одной только легальности, но и по моральности (образу мыслей) также имеет лишь обязательность в широком смысле; закон предписывает не сам этот внутренний поступок в человеческой душе, а лишь максимуму поступка – всеми силами стремиться к тому, чтобы мысль о долге была самим по себе достаточным мотивом для всех сообразных с долгом поступков.

Физическое благо (Wohlfahrt). *Благоволение* может быть безгранично, так как при этом необязательно что-то делать. Но труднее с *благодеемием*, особенно когда оно должно совершаться не из расположения (любви) к другому, а из чувства долга, когда жертвуют собой и своими интересами. – Что такого рода благотворение есть долг, следует из того, что так как наше себялюбие неотделимо от потребности быть также любимым (а в необходимых случаях получать помощь) другими, следовательно, мы делаем себя целью для других, а эта максима может не иначе, как только благодаря пригодности ее в качестве всеобщего закона, а стало быть,

благодаря воле, обязать и нас сделать других своей целью, – то счастье других – цель, которая есть в то же время долг.

Но я должен пожертвовать частью своего блага в пользу другого, не надеясь на вознаграждение, так как это долг, а установить величину этой жертвы невозможно. Все зависит от того, как именно каждый ощущает свою истинную потребность, определение которой должно быть предоставлено каждому. Действительно содействовать счастью других, жертвуя своим собственным счастьем (своими истинными потребностями), было бы противоречащей себе максимой, если бы она сделалась всеобщим законом. – Следовательно, этот долг есть долг в *широком* смысле; у него есть простор для большего или меньшего действия, но границы его не поддаются точному определению. – Закон имеет силу только для максим, а не для определенных поступков.

Моральное благополучие других (salubritas moralis) также относится к счастью других, и содействовать ему – наш долг, только долг негативный. Страдание, которое человек испытывает от угрызений совести, хотя и морально по своему происхождению, но по результату оно физическое, как и горе, страх и другие болезненные состояния. Не *мой*, однако, долг, а дело *другого* предохранять себя от того, чтобы этот внутренний упрек коснулся его незаслуженно; но мой долг – не делать ничего такого, что могло бы вследствие самой природы человека соблазнить его тем, что вызывало бы у него потом угрызения совести и что называется позором. – Одна-

ко нет определенных границ, внутри которых всегда держалась бы эта забота о моральной удовлетворенности других; вот почему только обязательность в широком смысле имеет эту заботу в своей основе.

Моральные чувства

Добродетель есть твердость максимы человека при соблюдении своего долга. – Всякая твердость узнается через те препятствия, которые она может преодолеть; для добродетели же такие препятствия – это естественные склонности, могущие прийти в столкновение с нравственным намерением, и так как сам человек ставит эти препятствия своим максимам, то добродетель есть не просто самопринуждение (ведь в таком случае одна природная склонность могла бы стремиться подавлять другую), а принуждение согласно принципу внутренней свободы, стало быть, посредством одного лишь представления о своем долге согласно формальному закону долга.

Всякий долг содержит понятие *принуждения* со стороны закона; *этический* долг содержит такое принуждение, для которого возможно только внутреннее законодательство; *правовой* же долг содержит такое принуждение, для которого возможно также и внешнее законодательство. Следовательно, в том и другом содержится понятие принуждения, будь оно самопринуждение или принуждение со стороны другого;

моральная способность самопринуждения может называться добродетелью, а поступок, исходящий из такого образа мыслей (из уважения к закону), – добродетельным (этическим) поступком, хотя закон формулирует правовой долг. В самом деле, именно *учение о добродетели* предписывает свято соблюдать право человека.

Но если совершение какого-то действия есть добродетель, то оно вовсе еще не настоящий *долг добродетели*. Это действие может касаться лишь *формального* в максиме, долг же добродетели имеет в виду материю максимы, а именно цель, которая в то же время мыслится как долг. – Но так как этическая обязательность к целям, которых может быть много, есть обязательность в *широком* смысле, поскольку она содержит лишь закон для *максимы* поступков, а цель есть материя (объект) произвола, то ввиду многообразия закон[осообраз]ных целей имеются и различные обязанности, каждая из которых называется *долгом добродетели* (*officium honestatis*); и называются они так именно потому, что подчинены лишь свободному самопринуждению, а не принуждению со стороны других и определяют цель, которая есть в то же время долг.

Добродетель как покоящееся на твердом образе мыслей согласие воли со всяким долгом [всегда] лишь одна и та же, подобно всему *формальному*. Но в отношении *цели* поступков, которая есть в то же время долг, т. е. в отношении того (материального), что *должно* сделать своей *целью*, бывает

больше добродетелей, а обязательность к максиме этой цели называется долгом добродетели, которых, следовательно, множество.

Высший принцип учения о добродетели следующий: поступи согласно такой максиме *целей*, иметь которую может быть для каждого всеобщим законом. – Согласно этому принципу, человек есть цель как для самого себя, так и для других, но помимо того что он неправомочен пользоваться только как средством ни самим собой, ни другими (при этом он, однако, может быть безразличным к ним), сделать человека вообще своей целью есть сам по себе его долг.

Это основоположение учения о добродетели, как категорический императив, не допускает никакого доказательства, но допускает дедукцию из чистого практического разума. – То, что в отношении людей к себе и другим *может* стать целью, *есть* цель чистого практического разума, ибо он вообще способен [ставить] цели и быть безразличным к этим целям, т. е. не быть заинтересованным в них, есть, следовательно, противоречие, так как чистый практический разум не определял бы в таком случае и максимы к поступкам (ибо последние всегда содержат какую-нибудь цель), стало быть, он не был бы практическим разумом. Чистый разум, однако, может а priori предписывать цели, лишь поскольку он провозглашает их в то же время долгом; в таком случае долг называется долгом добродетели.

Из закона противоречия ясно, что внешнее принуждение,

поскольку оно противодействует препятствию согласующейся со всеобщими законами внешней свободе (препятствие препятствию свободе), вообще совместимо с целями, и, для того чтобы усмотреть понятие свободы, мне нет надобности выйти за его пределы; цель, которую имеет каждый, может быть какой угодно. – Следовательно, высший *принцип права* есть положение аналитическое.

Принцип же учения о добродетели выходит за пределы понятия свободы и в соответствии со всеобщими законами связывает с ним еще некоторую *цель*, которую он делает *долгом*. Следовательно, этот принцип синтетический. – Возможность его содержится в дедукции (§ IX).

Это расширение понятия долга за пределы понятия внешней свободы и ограничения ее чисто формальным [элементом] ее полного согласия, когда дана *внутренняя* свобода вместо принуждения извне, [т. е.] способность самопринуждения, и притом не посредством склонностей других, а чистым практическим разумом (который пренебрегает всем этим опосредствованием), заключается в том – и этим он выше правового долга, – что благодаря ему ставятся цели, от которых право вообще отвлекается. – В моральном императиве и в необходимом предположении свободы для него *закон, способность* (соблюдать его) и определяющая максимуму *воля* составляет все элементы, образующие понятие правового долга. Но в императиве, предписывающем *долг добродетели*, к понятию самопринуждения прибавляется еще

и понятие некоторой *цели*, не той цели, какую мы имеем, а той, какую мы должны иметь, какую, следовательно, содержит в себе чистый практический разум, высшая, безусловная цель которого (она, однако, все еще есть долг) усматривается в том, что добродетель есть цель самой себя и, если она имеет заслугу перед людьми, также вознаграждение самой себя. При этом добродетель как идеал столь блистательна, что в глазах человека она кажется затмевающей самое *святость*, которая никогда не поддается искушению нарушить [закон]; тем не менее это заблуждение, так как, поскольку мы не располагаем никакой иной мерой для [определения] степени твердости, кроме величины препятствия (таковы в нас склонности), которые должны быть преодолены, мы ошибочно принимаем *субъективные* условия оценки величины за *объективные* условия величины самой по себе. Однако в сопоставлении с человеческими целями, имеющими в совокупности препятствия, которые должны быть преодолены, верно, что ценность самой добродетели как цели самой себя далеко превосходит ценность всего полезного и всех эмпирических целей и выгод, даже если они имеют своим следствием добродетель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.